

МАЙОР
ШИП

Каждая
страница в ней
СТОИТ ЖИЗНИ

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

КНИГА МЕРТВЫХ

Майор Шип. Принципы чекиста Ивана Шипова

Валерий Шарапов

Книга мертвых

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шарапов В. Г.

Книга мертвых / В. Г. Шарапов — «Эксмо», 2026 — (Майор Шип. Принципы чекиста Ивана Шипова)

ISBN 978-5-04-252246-8

МОСКВА. ДЕКАБРЬ 1952 ГОДА. Майор МГБ Иван Шипов готовится арестовать группу студентов-романтиков, мечтающих о новой революции. Операция простая, рутинная. Но когда оперативники врываются в квартиру, их встречает кошмар: пятеро молодых идеалистов мертвы. У каждого в голове след от контрольного выстрела. Профессиональная работа. Кто зачистил фигурантов раньше органов? Шипов находит улику: лидера студентов пытали, жгли сигаретами, резали ножом. Убийц интересовала старая книга Самуила Полесского «Союз Справедливости 16». Последняя надежда – на внедренного в студенческую группу агента. Шипов бросается спасать его, но и здесь опаздывает. Умирающий агент успевает прошептать: «Я передал книгу...» – и умирает. Кому он ее передал? Зачем? И что в этой книге такого, ради чего убивают без разговоров? Один за другим гибнут все, кто соприкасался с таинственным изданием. Шипов понимает, что в Москве действует хорошо вооруженная, профессионально обученная, беспощадная банда. И еще он понимает, что за ним уже следят... Можно ли найти истину, когда все свидетели мертвы? И, главное – можно ли выжить, когда охотник сам становится добычей?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-252246-8

© Шарапов В. Г., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	17
Глава 7	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Валерий Шарапов

Книга мертвых

© Оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2026

* * *

Глава 1

Самуил Полесский, для приближенных – Философ, неподвижно стоял у окна и наблюдал, как, чарующе рассыпаясь искрами, вздымается вверх жадное пламя, сопровождаемое потрескиванием сгорающих в пепел бумаг и дерева, овеваемое резким запахом гари.

Пламя отбрасывало отблески на его заострившееся лицо, на застывшую на губах хищную улыбку, задорно плясало в его безумных глазах.

Вот черт, он не успел всего лишь чуть-чуть. Они пришли раньше, чем он рассчитывал. И они считали, что вовремя... Почти вовремя.

Это было его поражение? Нет, это был естественный ход вещей, который просто в очередной раз нужно повернуть в своем направлении. В нужном направлении. В направлении, которое наполнит жизнь если и не смыслом, то ощущением того, что ты жив и ты в игре. Пусть и ненадолго.

«Игра, игра», – прошептал Полесский.

А вот и игроки пожаловали. Интересно, все они заявились сюда? Будем надеяться, что все.

На самом деле их немного. Точнее, совсем мало. В этом их и сила, и слабость – их всегда мало. И их визита нужно еще заслужить. Философ заслужил. Он разворошил их бездонное злое болото.

В комнату древнего бревенчатого купеческого дома зашли трое. Триумвират, консенсус, который может принимать любые решения и сам же их исполнять.

– Большая честь, – криво улыбнулся Полесский, отворачиваясь от окна, в проеме которого пылала красная, рассыпающаяся искрами и потрескивающая рушащимися деревянными перекрытиями ночь.

Триумвират. Трое. Коричневые пальто, серые шляпы – они хотели казаться среднестатистическими совслужащими, да и казались таковыми. Но Философа не проведешь. Он чуял таких за версту.

Разные по возрасту. Один почти старик, седой и вальяжный. Другой – молодой и энергичный, рвущийся в бой, такие обычно нетерпеливы, склонны к опрометчивым шагам. Третий – атлет, безупречно одетый, с безупречно подстриженными усиками, с безупречно открытым и честным взглядом, в общем, мужчина в самом расцвете сил и амбиций. И чем-то они все похожи друг на друга. Как одна семья. Не внешне, нет. Какая-то внутренняя сила и уверенность исходили от них.

Боялся их Полесский? Конечно, нет. Просто он знал им цену. Знал, что они могут. И сейчас смеялся и над ними, и над собой. Еще он холодно, воспитанно и смертельно ненавидел их. Особенно сейчас, когда они поломали его отчаянную игру этим своим визитом.

– Вы нас не ждали так скоро? – осведомился старик, и Философ поморщился, увидев, что в руке тот сжимает книжку в дешевой картонной серой обложке, от которой еще исходил типографский запах. Той самой, тираж которой был спален в так задорно пылающей сейчас типографии «Красный пропагандист».

– Вы оказались чересчур расторопны, – кивнул Полесский. – Излишне расторопны.

– Зачем? – спросил старик.

– Что зачем?

– Зачем ты сделал это?

– Неужели непонятно. Чтобы взорвать ваше самодовольство и ваши идиотские планы. Почему вы думаете, что играть можете только вы?

Старик посмотрел на него со скорбью, молодой – с негодованием и яростью. А мужчина в самом расцвете сил – с холодным равнодушием уверенного в своих силах волкодава, не рву-

щегося в бой, но готового сорваться с места после условного сигнала. Вот и рука у него в кармане – наверняка с наганом. Для стрельбы из кармана лучше годится револьвер – у него отскакивающий назад затвор не повредит руку и не порвет пальто. «Волкодав» готов ко всему. Ему даже не надо вцепляться зубами в горло и рвать аорту – достаточно просто нажать на спуск.

– Мы пришли вовремя. Мы всегда приходим вовремя, – отметил «волкодав». – Так что твои безумные расчеты не оправдались.

– Ну да, зазевался я. Надо было быстрее... И что теперь? Вы пришли убивать и жечь. И меня тоже убьете?

– Ты заплутал. Но ты же знаешь: всепрощение – это наш фундамент, – почти ласково произнес старик.

– Ну да. Я пока вам еще нужен... Пока. Сколько продлится это «пока»? Не так долго, до той поры, как я передам вам все. А потом... Я для вас слишком неуправляем. И не верю в ваши сказки.

– Всему есть разумный компромисс. – Старик умел сладкими речами захватывать и топить сознание собеседника – он был в этом мастер. Но Полесский давно не велся на подобные фокусы.

– Я устал от вас, – произнес он равнодушно. – От себя. Я ухожу.

– Ты очень упрям, – вздохнул старик с видом инквизитора, сердце которого разрывается от печали, когда он посылает еретика на костер, но при этом прекрасно знает – так ему, еретику, будет лучше для спасения души. – Ну что же, ты битая карта. Нам достаточно книги. Ты поработал хорошо. Теперь будут работать другие.

Мужчина в расцвете сил быстро, отточенным движением извлек из кармана оружие. Это был не наган, а какой-то иностранный револьвер – европейская полиция вооружена такими, которые называют «бульдогами». Для полноценных перестрелок не слишком годится из-за проблем с прицеливанием, но на близкой дистанции штука смертельно-надежная.

– Посчитаем, это было последнее слово приговоренного, – радостно улыбаясь, подытожил «волкодав».

– Нет, братя. Последнее слово за мной. Я связал эти концы. Мне их и рубить...

Полесский, стоящий у стола, смахнул рукой бумажный календарь, на котором красным было отмечено «27 октября 1929 года». Он знал, что в этот знаменательный день будет развязка. Хотя надеялся на другой ход событий, но предусмотрел и самое худшее. И подготовил сюрприз – ему, старому химику-бомбисту, который еще в Санкт-Петербургском императорском университете делал адские машины, это было не трудно. И лично для себя он постарался особенно.

«Волкодав» понял, что творится неладное, и, больше не думая, нажал на спусковой крючок.

Пуля вошла в грудь Философа. Но даже пуле не остановить неизбежного.

Рука хозяина дома уже дергала шнур.

Плеснул жар, обрушился чудовищный грохот – взрыв разнес купеческий бревенчатый дом, переданный в безраздельное владение члену бюро обкома ВКП(Б) Самуилу Полесскому.

Все ниточки были оборваны. Во всяком случае, именно так казалось всем причастным и заинтересованным. Долго казалось.

Но время как океан – оно порой выносит на поверхность забытые артефакты. Некоторые из них важны с археологической точки зрения. Другие вполне можно использовать – притом не только в музеях и пыльных кабинетах историков, но и в борьбе идей и людей. А иные опасны, как неразорвавшиеся в свое время мины...

Глава 2

– Мы должны это сделать! Если мы это не сделаем, нас не поймут. Нас будут презирать трудящиеся! – генерал Вострецов так хлопнул широкой мясистой ладонью по своему начальственному столу, что тяжелый бронзовый чернильный прибор подпрыгнул.

– Сделаем, – механически кивал мой начальник полковник Беляков, давно привыкший к генералу и его богатому эмоциональному самовыражению.

Вострецов в свои пятьдесят пять лет до сих пор, как юнец, обожал впадать в излишний пафос и нацеплять маску прямого, как шпала, идейного борца. Интересно, он правда такой? А где змеиная хитрость и чекистский цинизм, без которых у нас не выжить?

В просторном кабинете на Лубянке сейчас происходило совещание по грядущей реализации агентурного дела «Скоморохи». Почему «Скоморохи»? А мне так захотелось. Агентурные дела можно называть как угодно, лишь бы из самого названия не угадывался объект разработки.

Генерал напрасно гнал волну. Дело было заурядное – обычная текучка, которая составляет девяносто процентов работы оперативного аппарата МГБ.

Итак, у нас в разработке антисоветская организация с гордым самоназванием «Истинные коммунисты». По мнению фигурантов, остальные коммунисты неистинные, в том числе те, кто творил революцию и побеждал в страшных войнах. Хотя доля правды в этом названии есть – эти ребята действительно истинные, но только не коммунисты, а трепачи и пустомели. У них по молодости бурлит кровь в жилах, голова забита дикой чепухой. Их души жаждут перемен, а у некоторых – и героического самопожертвования. В общем, молодые дураки, которые без усталости чешут языками, якобы тайно собираясь в полутемных квартирах под романтическое мерцание свечей, и искренне уверены, что точно знают, как надо.

Сколько ни выкорчевывай такие ячейки, они все равно пробиваются из земли, как грибы после дождя. Притом неважно, на какой идейной основе. Главное у адептов – почувствовать свою исключительную значимость и богатырский вес в делах этого мира. Иллюзия, конечно, и самообман, но зато как греет незрелую душу.

Одно время у нас было модно делать из таких собраний идиотов дела века и клеймить: «Контрреволюционное подполье, угроза социализму, наймиты Запада!» Но постепенно пришло понимание, что гораздо полезнее профилактировать, разобшать, а неумную энергию юных борцов направлять на благо общества и государства. Ведь нередко этой ерундой занимаются вполне себе приличные ребята с активной жизненной позицией, просто свернувшие не туда и погнавшиеся за обманкой.

И этих «скоморохов» мы просто спрофилактировали бы. Может, одного-другого арестовали бы для наглядности. Или, наоборот, создали бы тепличные условия, чтобы организация приманивала действительно жирных щук из заводов зарубежных спецслужб – такая ловля на живца.

В общем, вначале у нас были варианты. Но «скоморохи» решили отыграть на все деньги и побить рекорд идиотизма. Помимо обсуждения нюансов марксизма они азартно принялись составлять списки «ренегатов», кого нужно будет убрать физически для революционного подъема масс – и среди целей были в числе прочих высшие лица партии и государства. А это уже совсем другая песня. Это подготовка к террору, а с террористами разговор особый, без компромиссов и промедления.

В итоге они допрыгались. И из всех возможных решений осталось одно – арест и расплата по самому высокому тарифу. Идиотизм ныне дорог.

– Соберутся они завтра, – пояснил Беляков.

– Ругать советскую власть, – удовлетворенно кивнул генерал.

– Гвоздь программы – будут разбирать книгу.

Генерал насторожился и тут же загорелся воодушевлением:

– Антисоветская литература? Из-за рубежа? Какая работа проделана по выявлению каналов доставки в страну?

– Да какой-то наш автор, – пролистнув блокнот, проинформировал полковник Беляков. – Некто Полесский. «Союз Спасения 16». Руководитель этого притона студент Калужный ее откопал на чердаке. Или в подвале. Объявил своей пастве, что там замечательные идеи об устройстве мира и о новой революции. И пообещал устроить чтение минимум на три сходки с обсуждением.

Генерал расстегнул верхнюю пуговицу своего кителя, глубоко вздохнул. Нахмурился.

– Очередная идеологическая диверсия! Вырвать с корнем. Если не сделаем этого – люди нас не поймут!

– Сделаем, – снова заверил полковник и не удержался: – И люди нас поймут.

Я едва сдерживал зевок, глядя в окно на снег, засыпающий и площадь Дзержинского, и всю Москву, и, кажется, весь мир. Он ложился и на меня своей мерзлой тяжестью. Взамен обычного азарта перед доброй работой накатывала какая-то апатия. Хотя она и не покидала меня после дела «Чумного доктора».

– Перед операцией доложить мне о готовности. Лично, – генерал выжидательно и тяжело уставился на Белякова.

– Есть, товарищ генерал! – бодро воскликнул тот, демонстрируя трудовой порыв.

Совещание закончено. Добро получено. Мы готовы ринуться в бой с шашками наголо. Правда, вместо острой стали у нас заготовленные по всей форме бумаги, но это так, детали. Однако перед атакой должен прозвучать сигнал «вперед». И отдать его должен я, майор госбезопасности Шипов. А для этого мне надо будет встретиться завтра днем с агентом «Сеньор». Получить у него исчерпывающую информацию. И вечером нагрянуть на отдельную московскую квартиру, где студенты будут обсуждать новую революцию и старую книгу.

Наружное наблюдение мы выставять не стали. Смысла не было никакого, только риск засветиться. Юные революционеры все время осматриваются, в напряжении, на нервах, все секут, в каждом шорохе слышат ползущего врага. И при таком раскладе вполне могут засечь наружку – у дилетантов порой и не такое получается. Да и заданий у наших разведчиков сейчас выше крыши по другим делам, которые наверху считают более важными и приоритетными. Вон дело врачей-вредителей, заморивших членов Политбюро, активизировалось. Что-то готовится, и вся разведка задействована там.

Все мы сделаем просто и надежно. «Скоморохи» собираются. Мы их упаковываем. Кто не придет – потом доберем. Все фигуранты известны – вон у меня в деле схема связей на ватманском листе напоминает схему сложного приемника.

Задержания. Показания. Очные ставки. Это было не раз и будет еще долго, пока служу. Обычное дело. Рутинка.

Но в том и специфика нашей работы – рутинка вмиг может стать катастрофой, а катастрофы становятся рутинкой...

Глава 3

С утра все пошло наперекосяк и не пойми куда. Мне «подсветочка» подсветила, что предводитель «Истинных коммунистов» Лев Калюжный исчез с семинара на журфаке со словами: «Какой семинар, тут бы башку не сложить. Мир ждет действия. Не поминайте лихом!» Любил он ввернуть по делу и без него что-то такое звонкое и громкое.

Дальше – больше. Его ждали с новым материалом в «Комсомолке», и он всегда являлся туда, как часы – от этого зависело будущее трудоустройство. Но и в редакции не объявился.

М-да, наша операция, похоже, начинала трещать по швам. Неужели он пронюхал что-то? И сейчас собирается в бега? Это еще не самое страшное. Куда хуже, что он может сдуру и правда совершить террористический акт. Однажды он обмолвился, что где-то пару гранат нашел и припрятал для врагов истинного социализма. И в кого они полетят?

В общем, я был весь на нервах. И нужно срочно сориентироваться. Так что, с нетерпением дождавшись назначенного часа, ринулся в зиму и холод.

В Москве начало резко холодать, и до того мягкая зима 1952 года отныне обещала жесткие морозы. Ветер забирался под мое шерстяное пальто на ватине – теплое, но, как оказалось, недостаточно. Снег уже второй день валил такой, что силуэты зданий, машин и прохожих больше угадывались, чем очерчивались. Мир белых призраков. А передо мной готический замок – стрельчатый, огромный. А я кто? Благородный рыцарь с копьем наперевес?

Замечаю, что в последнее время ко мне бесцеремонно все лезут и лезут мысли не от мира сего, наполненные то ли романтикой, то ли темным отчаянием перед становящимся все более неопределенным миром. На деле никаких призраков в пределах досягаемости, вокруг обычные граждане, спешащие по делам, за покупками в раскинувшийся передо мной – нет, не готический замок, а всего лишь московский ЦУМ, что на Петровке. Бывший дореволюционный галантерейный магазин товарищества «Мюр и Мерилиз». Коренные москвичи до сих пор говорят не «отправимся за покупками в ЦУМ Мосторга», а «загляну-ка я на огонек к Мюру». Вот и я загляну.

Из дверей обдало теплом, и я шагнул в мир вещей и звенящих кассовых аппаратов. Здесь есть все, что угодно самому взыскательному покупателю. Правда, товары официально продаются по повышенным ценам, многие из них производят специально созданные под ЦУМ предприятия. Но людей цены не отпугивают. Здесь всегда роскошно, дорого и многолюдно. А где толпа – там легче затеряться.

Покупатели с улицы были снежно-влажные, будто пар от них шел. Раскрасневшиеся и озабоченные. Некоторые пришли покупать, другие поглазеть и поцокать языком, дивясь ценам. А вон мелкая шантрапа, явно из детдомовских, уже примеряется к сумочке расфуфыренной, всей в мехах мадам. Только шкеты не видели того, что видел я, – к ним самим уже присматривались двое оперативников из группы по борьбе с карманниками, с которыми как-то свела меня судьба. Они меня узнали, но виду не подали. Они на работе. Так ведь и я на работе.

Вот проход служебный, за ним узкая лестница. Коридорчики, глухие и безжизненные. Неприметная дверь. Поворот ключа. И я на месте.

Каморка папы Карло – стол, три стула, и даже очаг есть – изразцовая и давно не использующаяся печка. На столе присутствовали чернильная автоматическая ручка, чернильница и стопка чистой бумаги. Неожиданно сильная лампочка под потолком освещала убогий интерьер и карту Москвы, занявшую половину стены. Вот оно, конспиративное помещение для встреч с агентурой. Любим мы шумные места – магазины, театры и кинотеатры, учреждения, куда можно просочиться незаметно в толпе, а при необходимости и уйти незамеченным. В ГУМе у нас тоже есть такая каморка.

Прозвучал условный стук в дверь. Вот и гость. Минута в минуту появился.

Отодвинув вечно заедающую щеколду – все время собираюсь ее смазать, да руки не доходят, – я пригласил:

– Заходи, гость званный.

И в комнате стало совсем тесно. Гость был высокий и объемный, да еще в тулупе и валенках – ну чистый Дед Мороз. Только разруганное лицо молодое, курносое и гладкое – без бороды из ваты.

Вот он, мой уже почти родной агент, именуемый в документах Сеньором. Почему Сеньор? Ну так дать псевдоним источнику – это не просто его обозвать, как скаковую лошадь или собаку. Тут о человеческих чувствах думать надо. Леша Титов, паренек из народа, с рабочего района, болезненно мнителен и скрыто честолюбив. Предложи ему агентурные сообщения подписывать «Конюхом» или «Холопом» – обидится ведь, посчитает, что не ценят, не уважают и смеются. А нам обиженные агенты не нужны. Нам нужны агенты, полные энергии и энтузиазма – только тогда дело сдвинется и будет уверенность, что такой помощник не сдаст назад, не зароется в тину. Энтузиазм – великое дело. И, надо сказать, в Сеньоре я его пробудил. А псевдоним он выбрал сам. Начитался каких-то старинных испанских романов с острыми шпагами и рыцарственными идадьго, вот и чудит. Пускай, мне не жалко.

Сеньор ударил пару раз шапкой о рукав и, для пущего эффекта, о валенок, сбивая налипший снег.

– Здравствуйте, товарищ майор, – произнес он сурово и с достоинством, после моего кивка уселся на скрипучий стул.

– Где Калюжный? – сразу же резко спросил я, готовый к любому ответу, даже самому неприятному.

– Сейчас? Понятия не имею. Видел его час назад, как договаривались.

– И что он про сегодняшнее собрание сказал?

– Что все в силе.

Уф, отлегло от сердца. Но чем Калюжный так встревожен был? А, ладно, потом разберемся. Главное, что собрание состоится.

– Ну что, Леша, – почти ласково промолвил я. – Вот и подошло наше дельце к закономерному финишу.

Сеньор напрягся. На лице отразились растерянность, секундное сожаление, потом в глазах вспыхнул злой огонек.

– Ясно и понятно. Будем брать, как говорят в кино. – В его голосе прорезались нотки сарказма.

Я внимательно посмотрел на него и произнес вкрадчиво:

– Леша. Если на тебя всякие вредные эмоции нахлынули типа – как же я друзей сдаю, то ты их отложи на дальнюю полочку и не доставай больше. Не жалею балбесов, Иван. Ты для них кто? Соратник в борьбе?

– Скорее – забава. Пролэ-э-этариат, – растягивая «э», передразнил он кого-то из своих товарищей.

– Ты плебс. А они – патриции.

– Да знаю. – Сеньор потупил взор – кто такие были плебс и патриции в Древнем Риме, я ему популярно донес в одну из наших душевных просветительских бесед. – Что ни фрукт – то «Папина «Победа».

«Папиной «Победой» в просторечии именовали детей состоятельных родителей, начальников или просто спекулянтов, которые могли себе позволить дорогие вещи и тысячу удовольствий, недоступных большинству населения.

– Все про пролетариат талдычат, как он во всем мире победит, а сами молотка в жизни не держали и гвоздя не забили. – В голосе Сеньора прорвалась культивируемая мной на про-

тяжении нескольких месяцев обида. – И меня, единственного пролетария, презирают за то, что я не из их светского круга.

И, главное, против истины он не кривил. Так уж повелось, что в подобных кружках и организациях собирается чаще всего молодежь, которая бесится с жира. Для имитации близости к народу заводят там пару работяг, на которых смотрят с плохо скрываемым презрением, но вместе с тем и нарочитым пиететом к «гласу народа». Леше понадобилось время, чтобы разобраться, что его держат за говорящую обезьяну, выполняющую забавные трюки: «Ох, а слышите, он еще и говорит, и ведь правильно сказал». Ну и разобраться в этом помог я – куда же без мудрого совета матерого оперативника.

– Никого не жалко! – рубанул он. – Композиторы, начальники.

Тоже правда. В организации «Истинные коммунисты» и вокруг нее крутились студенты престижных вузов, среди них сын известного композитора, дочь высокопоставленного начальника из Министерства торговли, ну и остальная такая же публика. А предводительствовал собранием студент выпускного курса журналистского факультета МГУ пятикурсник Лев Калюжный, активно печатающийся в центральных газетах на любые темы, обладающий острым пером, не менее острым языком и совершенно необъятным самомнением, которое и довело его до жизни такой.

– Значит, так, слушай наш грандиозный план... Приходишь. Осматриваешься. Они не меньше четырех часов трепаться будут о судьбах мировой революции.

– Да уж, в меньшее не уложатся. Одному Леве нужен час, чтобы вкратце вывалить наболевшее, – хмыкнул Сеньор. – Еще минимум час будет ту книженицу читать.

– Тебе ее слушать незачем. Под благовидным предлогом уходишь. Отзваниваешься мне, что все в порядке. Двигаешь в «рубку». И там затаиваешься. А дальше наше дело.

– Поймут ведь все про меня, – замылся Сеньор. – Да и показания на меня дадут. Вы же должны искать меня будете. И вся конспирация к чертям.

– Вот именно. Поэтому исчезаешь на югах. Тебя же в Москве ничего не держит.

– Кроме самой Москвы, – со вздохом произнес парень.

– Не беда, есть масса не менее приятных для души и тела мест. Позже вернешься, если захочешь. Но... У меня на тебя другие планы. Обсудим их потом.

– Обсудим, – кивнул он со страхом и вместе с тем с надеждой.

В принципе, он зарекомендовал себя вполне деятельным агентом, которого не грех пристроить к другим разработкам – уже в качестве штатного секретного сотрудника. Потом даже аттестовать можно, погоны дать. И его, вижу, эта стезя затянула.

– Работаем, Леша, – хлопнул я в ладоши и поднялся. – Время не ждет. А капает...

Глава 4

Вернувшись на Лубянку – благо от ЦУМа пешком пять минут, я доложил полковнику о готовности.

– О чем хоть та книга, что они обсуждают? – спросил он. – Как там Россию облагородить предлагают?

– Там про шестнадцать декабристов, которые дожили до наших времен, а в Советской России решили создать царство труда и изжить советскую бюрократию.

– Лихо. И кто автор? Почему не слышал?

– Некто Полесский. Я такого писателя не знаю, – пожал я плечами и не стал уточнять, что фамилию где-то слышал или читал в материалах, но сейчас и не вспомню. – В двадцатые годы, на революционном подъеме и в пылу партийных дискуссий, много всякой дичи поиздавали. Эта еще безобидная.

– Ладно, пойду генералу доложу. И получу окончательную отмашку. Заодно этими декабристами пораду. Пусть у него голова кипит – антисоветчина это или нет.

Я улыбнулся. Генерал считал себя экспертом по антисоветскому духу и запаху. Чувал их за версту, как акула капельки крови в воде. А нам изъятие антисоветской литературы будет в хороший плюсик для отчета.

Через полчаса позвонил Сеньор и заговорщическим тоном стал излагать информацию. Вот сколько раз талдычил ему – надо держаться естественно, не привлекая внимания. А он исправно изображает из себя тайного агента, прикрывая трубку, нашептывает:

– Все в сборе, кроме двух человек. Те где-то через час обещались. С какой-то интересной политинформацией. Так что все будут их ждать.

– Главное, Калюжный на месте?

– Это да. Хвост пушит, павлин африканский, какой он весь незаменимый и важный.

– Твой уход вопросов не вызвал?

– Наоборот. Лева кое-какое поручение дал. Передать кое-что надо.

– Что?

– Ну не по телефону же, – еще более заговорщически произнес Сеньор. Ладно, скоро узнаем. Вряд ли что действительно важное.

– Отлично... Сиди в «рубке» и не высывайся. Жди меня. Я появлюсь и скажу, что дальше делать. Понял?

– Не дурак. Понял все...

«Рубка» – это такой закуток на чердаке дома в Арбатском переулке, где Леша, закоренелый радиолюбитель, держал свою радиостанцию. Место, где можно схорониться от всяких неожиданностей, пока идет реализация. На случай если кто-то из «революционеров» избежит ареста, все поймет и решит поквитаться с «предателем дела мировой революции». Что, нагнетают? Такое невозможно? Мы имеем дело с детским садом?

Никогда нельзя недооценивать опасности гремучей смеси из молодости, фанатизма и глупости. Такими же детскими садами в массе своей было эсеровское движение – экзальтированные, накачанные идеями студентики устроили в России такой террор, убивая генерал-губернаторов, полицейских и эксплуататоров, что до сих пор нам икается, даже после падения самодержавия.

О местоположении «рубки» знал в организации только журналист, но он лишь загадочно смотрел вдаль, когда соратники задавали по этому поводу вопросы. Это был его козырь и средство надувания собственной важности и авторитета. Из-за этой радиоточки он и вцепился в своего одноклассника Лешу мертвой хваткой, крепче клеща. Как же, хоть и любительская, но

радиостанция, да и человек в комплекте, понимающий в этом! Это же возможность слушать весь мир, ну а если дела хорошо пойдут, то и заявить о себе всему миру.

Я оглядел группу захвата. Мой старый друг и верный напарник бывший осназовец Добрынин. Матерый волчище и авантюрист, не человек – танк. Дашь курс – и только вражеские орудия и черепашки под гусеницами трещат. Мы не раз спасали друг другу жизнь, а это как цепь, которая связывает накрепко и навсегда.

Еще трое молодых сотрудников нашего отдела тоже не будут лишними. Должно хватить с лихвой на «детский сад». Потом подтянутся понятые, все будет по закону, чин чином.

– Через час выдвигаемся, – сообщил я.

– А чего ждать? – спросил Добрынин.

– Еще люди должны подойти. Чтобы потом по Москве их не собирать.

– Да, в такую погоду лучше всех разом хлопать, – зевая, согласился капитан Добрынин. – А то гоняйся за ними по этой заснеженной тундре...

И все же у меня засела, будто осколок, тревога. Не нравилось мне утреннее загадочное поведение Калюжного. Интуиция вопила: «Просто не будет. Опасность!»

Глава 5

Двухкомнатная квартирка в четырехэтажном здании с печным отоплением принадлежала семье дипломатов. Старшее поколение отправилось в дружественную социалистическую Польшу, а непутевого сыночка – студента Московского института международных отношений – оставили на хозяйстве. Тот и проводил у себя антисоветские сходки.

Одно время «скоморохи» практиковали всякие конспиративные хитрости, про которые начитались в книжках про пламенных героев революции. Оставляли присматривать на улице кого-нибудь за обстановкой, чтобы не пропустить момент, когда «сатрапы» придут по их души. Определились с подачей тревожных сигналов. И прочее, прочее. Но с наступлением холодов желающих мерзнуть на улице, когда все пьют чай с пирожными и ведут умные разговоры, не находилось, так что идея иссякла сама собой.

Трехэтажный дом, солидная металлическая ограда, запирающая двор. Темнело, зажигались окна. Вон огонек горит на третьем этаже. На месте голубчики. Мировые проблемы обсуждают. И не ведают, что сейчас их ждут другие проблемы – хотя и не мирового масштаба, но лично для них гораздо более болезненные.

Вечный вопрос – как войти в «притон». Решили мы его просто. Взяли управдома – въедливого, шумного и вездесущего старикашку, которого в окрестностях знала каждая собака, особенно его зычный голос. Он являлся осведомителем местного отдела МГБ, так что поручение воспринял с энтузиазмом. И начал названивать в дверь.

– Семен, а ну открывай, от тебя засор вниз пошел! Открывай, говорю, а то милицию вызову. Ишь расшалился!

На месте Семена я тут же подорвался бы и побежал открывать, потому что иных способов унять домуправа не было в природе – только покаяться и продемонстрировать квартиру, а заодно и свою преданность.

– Открывай! – Оставив звонок в покое, домуправ методично заколотил рукой, а потом ногой в дверь и в итоге как-то растерянно произнес: – Не отвечает, злыдень!.. Открывай, охальник!

Никакого шевеления. В квартире будто никого не было.

– Будем ломать, – заключил я.

– Ломать – не строить. – Один из оперативников подошел к двери, вытащил откуда-то из глубин своего тулупа связку отмычек. – А мы люди обходительные.

Щелкнуло. Оперативник надавил на массивную деревянную дверь ладонью, и та стала открываться.

Странно это. Обычно, когда народ дома, и еще народ идет и идет, на замок не запирают – все больше защелкивают на щеколду. А здесь закрыто на два оборота.

За дверью – просторная прихожая с тяжело завешанной пальто и тулупами вешалкой, внизу в ряд стояли галоши. Рядом – столик на гнутых ножках с красной китайской фарфоровой вазой, украшенной желтыми драконами.

Я сделал шаг вперед. Первый шаг в такое место – это как шаг в холодную воду. Шаг в неизвестность, где тебя может ждать что угодно – и нож, и пуля. Но куда чаще – визги, слезы и скандал.

Еще несколько шагов – и я на пороге большой комнаты с высокими потолками, лепниной и хрустальной люстрой.

Ячейка «Истинных коммунистов» была на месте – почти в полном составе.

Вот только все «скоморохи» были мертвы...

Глава 6

Ощущение это знатное – будто мешком по голове получаешь. Так всегда бывает, когда реальность оказывается не ожидаемая, а из ряда вон выходящая. И когда все летит к чертям.

Я задержал дыхание, но сердце все равно бешено заколотилось. А потом свыкся с новым положением дел – только что кто-то убил пятерых молодых ребят в самом центре Москвы.

Отработали по ним красиво. Судя по расположению тел, бедолаги даже дернуться не успели. Кто-то лежал на полу. Кто-то так и сидел на стуле, уткнувшись лбом в стол, на котором были расставлены чашки с чаем, пузатый чайник, тарелки с печеньями и халвой. В центре стола красовался так и не тронутый торт безе, белую поверхность которого расчерчивали красные узоры – хотя нет, это не узоры. Это кровь. И чуть в стороне композиции, у стены, нашелся и заправила всего этого безобразия – Лев Калюжный.

Домоуправ, заглянувший через мое плечо, прошипел что-то витиевато матерное и замолк.

Добрынин осмотрел комнату, деловито почесал затылок:

– Кто-то их профессионально уложил. Посмотри, у всех проверочные выстрелы в голову. Чтобы без вариантов. А пальба тут шла знатная. С нескольких стволов долбили, иначе так бы успешно не уложили.

Я обернулся к домоуправу:

– Стрельбу слышали?

– Да ничего не слышал! Радио там играло вовсю. Музыка легкая, всякие трали-вали. Потом замолчало!

– Кто из соседей в это время был дома?

– Да откуда я знаю! Вон половина квартир нежилые. Дом под снос скоро пойдет. Я бродяг и шпану из подъезда гоняю, так что у нас все тихо. Все чинно. Все... – На нервах он начал молотить языком что ни попадя – такая вот защитная реакция.

– С глушителями работали, – перебил его Добрынин. – Нужно следственно-оперативную группу с Петровки вызывать.

Я встал напротив Калюжного, нагнулся, осматривая его. Журналист сидел, прислонившись спиной к стене. Во лбу аккуратная дырочка... А еще... По щеке шел порез – нож был острый, и резали со вкусом... А это что за точки? Ожог круглый. От сигареты.

И как это понимать? Да очень просто. Полевой быстрый допрос. Выбивание показаний. Интересно каких?

В голове будто загудел тревожный набат. И мигом нарисовались очертания еще одной большой проблемы.

Я резко поднялся, повернулся к своей команде.

– Так, в квартиру никто не заходит. Добрынин, за старшего. Докладываешь руководству. Организуешь осмотр и первоначальные мероприятия, контактируешь со следственно-оперативной группой. Мне отъехать надо на время.

– А помощь не требуется? – с тревогой осведомился капитан, понимая, что просто так я не стал бы срываться с места происшествия – что-то произошло неординарное.

– Сам справлюсь, – отозвался я и быстрым шагом ринулся вниз по лестнице. Только бы успеть...

Глава 7

Своего верного рысака – служебную зеленую «Победу» – я оставил в двух кварталах от места назначения. Здесь начинались так хорошо знакомые мне арбатские переулки – сколько здесь дел наделано! Вот и новое подоспело!

Дальше пешком. Незачем маячить на виду. Машина – это вещь заметная. Их не так много в переулках, а прохожих – пруд пруди. Так что пешочком, только пешочком.

Сердце екает в дурном предчувствии. Нервы натянуты, чувства обострены. Я ждал подвоха. И надеялся, что все-таки успею.

Автоматически отмечал детали. Прошуршала стайка совсем мелких детей с воспитательницей во главе – куда их вечером понесло? Продымил молоковоз, тормознул, заскрипев, и натужно ринулся вперед. Занесенный снегом ЗИМ стоит, не двигается. Так, а вон там, пригнувшись к тротуару рядом с зажегшимся фонарем, – желтая «Победа», за рулем лениво развалился тип в меховой шапке-пирожке. Ждет кого-то. Или чего-то.

Тут я явственно ощутил взгляд, которым меня наградил водитель «Победы» – быстрый и резкий, оценивающий. Так это действительно опасность или просто расшалилась на почве начавшегося кавардака мнительность? А, неважно. Из всех вариантов выбирай лучший, но действуй из расчета на худший.

Поэтому легкой походкой, утопая в снегу, я прошел мимо дворника, пытающегося разгрести снежные завалы. И толкнул дверь подъезда соседнего дома.

Поднялся на чердак. Оттуда – на крышу. С трудом преодолел снежный завал – снега было столько, что он того и гляди прогнет крышу. Ноги в нем тонули, а под ним покрытый льдом металл, так что подошвы ботинок скользили. Коснулся заледеневшей лестницы – даже сквозь перчатки обожгло холодом.

Начинаем эквилибристику – спускаемся вниз. Лестница обросла льдом, цепляться было трудно. Не навернуться бы с высоты четвертого этажа. Это будет совсем глупо – всю жизнь идти через взрывы и свист пуль, а погибнуть, свалившись от собственной неловкости с крыши...

Уф, спустился. Нога моя ступила на покатую крышу примыкающего дома. Здесь снега поменьше – убирали, наверное. Вон похожее на арку театрального суфлера окошко мансарды. Цель моих упражнений в ловкости.

Осторожно, чтобы не соскользнуть по покатой плоскости, двинулся вперед. Опасно. Навернуться можно в любой момент. Нет, умирать нам рановато, есть у нас еще на крыше дела.

Тут я услышал шум. Громкие голоса. Тяжелый стук. Что-то творилось за этим суфлерским окошком. Что-то ожидаемое и вместе с тем пугающее. Только бы успеть! Только бы не сплеховать!

Я осторожно приблизился к окошку. И тут ноги заскользили сильнее, я упал на колени, меня неумолимо повлекло вниз.

В последний момент я ухватился за одну из радиоантенн, которые тут развесил Сеньор. Она обломила, ударившись со стуком о крышу. Но я схватил рукой другую – и остановил падение.

Подтянулся резко. Поднялся. Шагнул вперед, к окошку. И успел увидеть картинку. В комнате были минимум три незнакомца и один знакомец – Сеньор. Мой агент, привязанный к стулу проводом от своей же аппаратуры, был с кляпом во рту – это чтобы не орал без надобности. Но кляп нетрудно вытащить, когда пленный будет готов отвечать на вопросы. А вопросы к нему были.

Тут же я отпрянул в сторону. Один из гостей, услышав шум, вскинул руку, и в стекле образовалось пулевое отверстие. Образовалось бы и во мне, не будь я так расторопен.

А звука выстрела не было. Так, едва слышный хлопок. Били из бесшумного оружия. Таким совсем недавно положили и «истинных коммунистов».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.